

скають въ душѣ человѣка такіе глубокіе корни, что даже при самомъ полномъ успѣхѣ не даютъ душевнаго успокоенія и такимъ образомъ всегда мѣшаютъ полному удовлетворенію.

Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ эти разсужденія, не должно забывать, что, по совершенно личнымъ особенностямъ своего воспитанія и характера, Шопенгауеръ не любилъ, да и не уважалъ никакого другого дѣла, кромѣ умственнаго. Всякую работу и всякій трудъ, кромѣ умственнаго, онъ всегда безъ разсужденій относить къ самому тягостному и непріятному въ жизни. Точно забывая объ умственной работѣ, онъ называетъ вообще всякую работу наказаніемъ и какъ будто совсѣмъ не допускаетъ возможности находить наслажденіе въ работѣ; на основаніи этого, выспимъ идеаломъ личнаго счастья онъ выставляетъ возможно обезпеченный отъ труда, свободный досугъ. Но въ томъ и дѣло, что въ то же время самымъ привлекательнымъ употребленіемъ этого досуга онъ считалъ умственную дѣятельность, а не бездѣлье. И это объясняется очень просто. Въ той сферѣ, гдѣ жизнь имѣла лично для него свою прелесть, въ той единственной области, въ которой ему, мизантропу и меланхолику, было доступно чувство непосредственнаго удовольствія, тутъ онъ находилъ, что дѣятельность (или, что тоже самое, „игра силъ“ или „свободное ихъ приложение“) есть коренной источникъ удовольствія, притомъ самаго глубокаго и самаго полнаго. Что же касается другихъ областей жизни и дѣятельности, то ни одна изъ нихъ не представляла для него ни малѣйшаго самостоятельнаго интереса. Въ нихъ ему было не по себѣ и онъ испытывалъ просто болѣзненное чувство безпокойства, когда приходилось имѣть дѣло съ какими-нибудь практическими задачами. Достаточно сказать, что одно появленіе почтальона съ письмомъ повергало его въ страшное безпокойство, и его сейчасъ же мучило подозрѣніе, что случилось какое-нибудь несчастье, что онъ разоренъ и лишенъ возможности заниматься дольше любимымъ дѣломъ; если ничего худого въ письмѣ не оказывалось, онъ и это принималъ за дурной знакъ. Не мудрено, что находя спокойное удовлетвореніе исключительно въ одной специальной сферѣ умственной дѣятельности, онъ не могъ придавать самостоятельную цѣну другимъ родамъ дѣятельности. Однако, не смотря на это пристрастіе, и въ его общихъ соображеніяхъ, и въ фактическихъ примѣрахъ въ этомъ отношеніи довольно легко пропадаетъ граница между умственной сферой и остальными областями жизни. Въ его общихъ положеніяхъ мы между прочимъ находимъ такое: по настоящему, — говоритъ онъ, — всякое удовольствіе состоитъ не въ чемъ другомъ, какъ въ ощу-